

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1902**

Выпуски 5-8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
P89

P89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1902: Выпуски 5-8 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 676 с.

ISBN 978-5-458-42835-4

Оригинальное название: Русский архивъ. Историко-литературный сборникъ. 1902. Выпуски 5-8 «Русский архивъ» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартенев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартенев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартенева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартенев подобрал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартенева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартенева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-42835-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

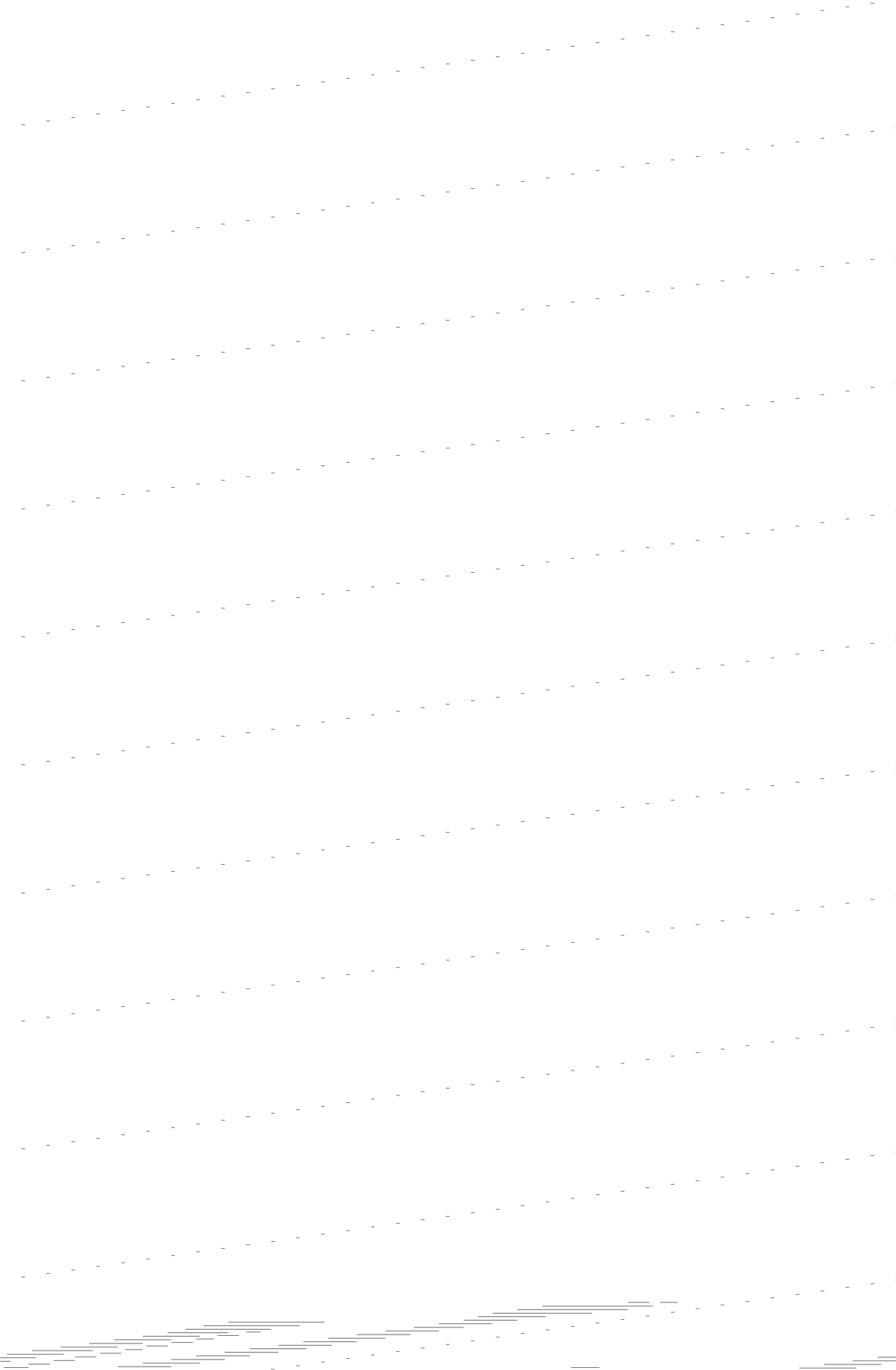
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОХЪ ФРАНЦУЗЫ!

Наборная повѣсть изъ былей,

по-русски писанная*).

Авторъ этой повѣсти—*графъ Федоръ Васильевичъ Растопчинъ*—одно изъ самыхъ замѣчательныхъ историческихъ лицъ въ народной войнѣ 1812 года. Шестнадцать лѣтъ прошло съ кончины его, и до-сихъ-поръ еще мы не имѣемъ полной его біографіи. А между тѣмъ, графъ Растопчинъ вполне заслуживаетъ почетное мѣсто въ ряду героевъ незабвенной эпохи. Современники помнятъ, какое живое участіе принималъ онъ въ освобожденіи Москвы и какъ могущественно дѣйствовалъ вліяніемъ своимъ на народъ, вооружая его противъ враговъ иноплеменныхъ. Въ виду самыхъ непріятелей, онъ хладнокровно распоряжался ввѣренною ему столицею. Наполеонъ былъ уже на Поклонной Горѣ, а въ многолюдной Москвѣ царствовали тишина и безопасность, стрегомая ея градоначальникомъ. Растопчинъ ободрялъ дворянство, наблюдалъ за чернью, посѣщалъ раненыхъ, пекся о спокойствіи каждаго и о безопасности всѣхъ. Неутомимая дѣятельность и истинно-русская сметливость Растопчина тотчасъ были замѣчены Благословеннымъ вождемъ священной брани. Императоръ Александръ, довольный мѣрами, принятыми Растопчиннымъ къ поддержанію порядка и вполне полагаясь на твердость его въ столь смутное время, пожаловалъ ему эполеты съ своимъ шифромъ, сказавъ: „И самъ теперь у тебя на плечахъ“. И дѣйствительно, твердость, опытность и благоразуміе Растопчина спасли Москву не только отъ мятежа, во время сдачи ея, но и отъ мѣлчайшаго беспорядка. Во все время пребыванія Наполеона въ Москвѣ, Растопчинъ всячески затруднялъ продовольствіе войскъ Французскихъ, отрѣзывая имъ подвозъ провіанта. Обладая необыкновеннымъ даромъ говорить всякому языкомъ наиболѣе понятнымъ, онъ особенно умѣлъ объясняться съ Русскими мужичками; печатныя афиши его, написанныя языкомъ простымъ, но сильнымъ, убѣдительнымъ, приводили въ сильное движеніе подмосковныхъ крестьянъ, которые прятали женъ, дѣтей и имущество свое въ глубины лѣсовъ и зарывали въ землю, а сами, вооружась какъ могли и чѣмъ-ни-попало, убивали всюду не только мародѣровъ, но даже цѣлыя непріятельскіе отряды. По достовернымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что около 30.000 Франгузовъ было побито въ самой Москвѣ и въ окрестностяхъ ея въ теченіе шести недѣль одними поселянами и обывателями, которые возбуждены были противъ враговъ прокламаціями Растопчина. Этого мало: подкрѣпляя убѣжденія примѣромъ, Растопчинъ самъ зажегъ великолѣпный домъ свой въ

*) Изъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1842, книжка 9-я. Не вошло въ Смирдинское собраніе сочиненій графа Растопчина. Предисловіе, надо полагать, написалъ А. Я. Бугаевымъ. П Б.

селя Вороновъ, который Наполеономъ былъ избранъ для главной квартиры. Известна Французская надпись, прибитая имъ къ воротамъ, когда онъ въѣхалъ изъ объятаго пламенемъ дома: „Восемь лѣтъ украшалъ я это село; восемь лѣтъ въ нѣдрахъ семейства моего жилъ я счастливо подъ покровомъ отеческаго правленія Императора Александра. Поселяне этой деревни удаляются отъ васъ, а я зажигаю мой домъ, чтобы онъ не осквернился вашимъ присутствіемъ. Въ Москвѣ оставилъ я вамъ въ добычу два дома съ имуществомъ въ нихъ на полмилліона; здѣсь найдете вы одинъ пепелъ!“ Надпись эта переведена была на всѣ языки и въ цѣлой Европѣ читалась тогда съ восхищеніемъ. Наконецъ, самый пожаръ Москвы,—теперь можно уже говорить объ этомъ не съ боязнію стыда, но съ гордостію,—самый пожаръ Москвы, въ которомъ погасла звѣзда Наполеонова, былъ безсмертнымъ дѣломъ Растопчина. Конечно, будучи въ Парижѣ, графъ Растопчинъ издалъ брошюру подъ заглавіемъ: „La vérité sur l'incendie de Moscou“, въ которой онъ уклоняется отъ славы, будто бы имъ незаслуженной, приписывая пожаръ Москвы Французамъ. Не станемъ разыскивать истины, но на такое отреченіе можно сказать только, что во время изданія брошюры еще не зажили раны, нанесенныя Москвѣ этимъ достославнымъ пожаромъ, и что если мужественная рѣшимость въ бѣдственныхъ обстоятельствахъ можетъ доставить славу, то еще славнѣе уклоняться отъ похвалъ.—Пожаръ Московскій положилъ начало освобожденію Москвы и Россіи. Растопчинъ, тотчасъ по выступленіи непріятелей изъ столицы, явился въ подорванномъ Кремлѣ и, окруженный еще дымящимися развалинами, принялся за возстановленіе Москвы. Въ короткое время все приняло въ ней совершенно другой видъ: церкви вновь освятились, погорѣлыя получили пристанища, бѣдные пищу, раненые надзоръ, больные пользованіе; городъ очистился отъ безчисленнаго множества мертвыхъ тѣлъ и лошадей, наполнившихъ улицы, подвалы и колодези присутственныхъ мѣста, почты и всѣ части государственнаго управленія приведены въ прежнее устройство; отовсюду стекались обозы со всѣми жизненными потребностями; словомъ, Москва быстро начала возникать изъ своего пепла... Въ 1814-мъ году Растопчинъ дожилъ до счастья—получить въѣздъ о вступленіи Русскихъ въ Парижъ и праздновалъ это событіе торжествомъ великолѣпнымъ и оригинальнымъ. Въ 1815 году, по разстроенному здоровью, онъ вышелъ въ отставку и, осыпанный милостями Императора Александра, уѣхалъ въ чужіе края, гдѣ имя его давно уже было громко. Пріемы, сдѣланные ему королями Прусскимъ и Англійскимъ, доказывали то уваженіе, которымъ онъ пользовался у союзниковъ своего Монарха. Пробывъ восемь лѣтъ за границею, онъ, въ 1823 году, возвратился въ Москву и умеръ тамъ 18 Января 1826 года, на 61-мъ году своей жизни, не проживъ и двухъ мѣсяцевъ по кончинѣ своего Государя и благодѣтеля.

Графъ Растопчинъ, коротко знакомый съ произведеніями литературъ Англійской, Итальянской, Нѣмецкой, и преимущественно, Французской, принадлежитъ къ числу образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ самъ писалъ очень много и преимущественно комедіи, исполненныя, говорятъ, острою, юморомъ и оригинальностью; но, по прочтеніи этихъ комедій въ небольшомъ избранномъ своемъ обществѣ, онъ тотчасъ сжигалъ ихъ; одна комедія „Живой Мертвецъ“ была представлена на театрѣ. Въ печати известны только его „Мысли вслухъ на Красномъ Крыльцѣ“, афиши 1812 года и „Правда о пожарѣ Московскомъ“. Послѣ него осталось нѣсколько рукописей, и между прочими разныя „Записки“, касающіяся до него лично, или до другихъ важныхъ происшествій, которыхъ онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ. Эти записки, разумѣется, не могутъ еще быть переданы печати.

Предлагаемая здѣсь повѣсть, нигдѣ доселѣ ненапечатанная, найдена также между бумагами графа Ѳ. В. Растопчина и доставлена намъ его наследникомъ. Она вся писана рукою покойнаго графа, но неизвѣстно гдѣ—въ Россіи, или во время пребыванія его за границею. Повѣсть эта отъ начала до конца проникнута оригинальнымъ характеромъ ея славнаго автора. Каждая страница запечатлѣна тѣмъ же умомъ тонкимъ, острымъ, опытнымъ; вездѣ тотъ же язвительный сарказмъ, дышашій ненавистью къ Французамъ,—плодомъ глубокаго убѣжденія, что мы были бы лучше и не навлекли бы на себя бѣды, если бъ болѣе чуждались всего иноземнаго: убѣжденіе, понятное въ человѣкѣ, видѣвшемъ своими глазами бѣдствія, наносимыя игомъ иноплеменинъ и долженствовавшимъ, по благородному патриотическому увлеченію, бороться съ угнѣсителями; наконецъ, тотъ же неподражаемый, своеобразный, но въ высшей степени выразительный языкъ, которымъ умѣлъ такъ сильно владѣть только Растопчинъ,—все тоже въ этой повѣсти, что восхищало современниковъ и въ „Мысляхъ вслухъ на Красномъ Крыльцѣ“, и въ незабвенныхъ „афишахъ“.

Время, исцѣляющее раны, потушаетъ и ненависть народную. Тридцать лѣтъ уже прошло съ той эпохи, когда мы видѣли въ иноземцахъ только губителей нашей свободы и спокойствія и за этимъ образомъ не хотѣли видѣть ничего болѣе. Тридцать лѣтъ мира и тишины перемѣнили отношенія, сблизили новыя поколѣнія въ интересахъ науки, искусства, блага общественнаго, заставивъ позабыть старинную вражду и причиненныя ею бѣдствія. Мы уже не тѣ, что были въ 1812 году. Мы уже видѣли могилу того, кого такъ ненавидѣли въ то время; мы уже вѣруемъ съ поэтомъ, что надъ этой „великолѣпной могилой горитъ лучъ безсмертія“ и признаемъ въ немъ великаго исполнителя судебъ Божіихъ; мы позабыли непріязнь и къ народу его, теперь намъ дружественному, тогда столь враждебному... Все измѣнилось,—но тѣмъ не менѣе мы съ особеннымъ любопытствомъ читаемъ эту повѣсть, такъ рѣзко запечатлѣнную духомъ той великой эпохи. Это голосъ Россіи 1812 года, звучащій намъ въ устахъ одного изъ знаменитѣйшихъ ея представителей.

*

Глава I. — Поднесеніе.

Сочинитель просто одѣтый, съ кроткимъ видомъ, съ книжкою въ рукѣ, подходитъ къ лицу или къ особѣ, и говоритъ: «Позвольте, ваше сіятельство,—или ваше превосходительство, или просто сударь, или сударыня,—поднести вамъ мое сочиненіе. Вы Русскіе, я Русскій. Многіе лекаря лечатъ не учась отъ всѣхъ болѣзней. Ну, и я сдѣлался главнымъ лекаремъ. Хочу снимать катаракты, и если не вылечу, то по крайней мѣрѣ не ослѣплю никого». За симъ привѣтствіемъ, сочинитель два поклона, потомъ изъ одной горницы въ другую, изъ передней въ сѣни, изъ сѣней на улицу, да и былъ таковъ. Кто онъ?—Никто не знаетъ. Гдѣ живетъ?—Господь вѣдаетъ. Ну, чортъ съ нимъ!

Глава II. — Возраженіе.

Зачѣмъ сочинителю таскаться по домамъ и подносить всѣмъ безъ разбора книгу, которую не всѣ читать будутъ, отъ которой пользы мало, за которую стануть ругать, которая больше браня, чѣмъ поученіе, и о которой вѣтъ что заговорять:

—Какой вадоръ написать!—Дурное подражаніе Тристрама Шанди.—Авторъ, видно, стряпчій за бороды.—Какой-нибудь бродяга.—Либо голодный студентъ.—Кто-жъ его послушаетъ?—Вѣрно сердить за то, что самъ не ученъ по-французски.—Либо не на что нанять учителя.—Выскачка! Плетью обуха не перебьешь.—Собака лаетъ, вѣтеръ носить.—C'est un fou!—Un enragé!—Un démoniaque!—Un barbare!—Un pédant ridicule!—Un homme à jeter par les fenêtres!

Ну, да если послѣ всѣхъ этихъ восклицаній, брани, пословиць, Французскихъ пустыхъ словъ, послѣ того, что меня въ иномъ домѣ не пустятъ, въ другомъ насмѣются, въ третьемъ обидятъ холопы, въ четвертомъ оболъютъ горячимъ, въ пятомъ потравятъ собаками, въ шестомъ, въ седьмомъ сочтутъ за сумасшедшаго,—ну, да если наконецъ хоть одинъ отецъ, хоть одна мать, сберегутъ дѣтей отъ разврата: то я и доволенъ, и счастливъ. Сяду въ креслы, посмотрю съ удовольствіемъ на свою чернильницу, потру лобъ, и скажу: «Доброе дѣло! Велика милость Господня!»

Глава III.—Кому подносится книга?

Всѣмъ отцамъ, матерямъ, вдовымъ и вдовамъ, коихъ Богъ благословилъ дѣтьми.

Всѣмъ женатымъ и замужемъ безъ дѣтей, не старѣ сорока лѣтъ.

Всѣмъ холостымъ мужчинамъ до пятидесяти пяти лѣтъ.

Всѣмъ дѣвушкамъ до тридцати лѣтъ. Разумѣется, благороднымъ, по той причинѣ, что сіе почтенное сословіе есть подпора престола, защита отечества и должно предпочтительно быть предохранено. Купцы же и крестьяне, хотя подвержены всѣмъ извѣстнымъ болѣзнямъ, кромѣ нервовъ и меланхоліи, но еще отъ иноземства кой-какъ отбиваются, и сія летучая зараза къ нимъ не пристааетъ. Они и до сихъ поръ Французовъ называютъ Нѣмцами, вино ихъ церковнымъ.

Одинъ ученый и умный духовный, разговаривая со мною о богатствѣ и силѣ Россійскаго слова, сказалъ: «Нашъ языкъ такъ изобиденъ и столь краснорѣчивъ, что мало его хорошо знаютъ и отъ сего мало хорошо говорятъ, а еще меньше хорошо пишутъ».

Суцая истина! А все-таки пишутъ да пишутъ, говорятъ да говорятъ: всякъ пляшетъ, да не какъ скоморохъ, и я пляшу, и мы пляшемъ, и они пляшутъ.

Глава IV.—Что за названіе?

Да вѣдь надобно какъ-нибудь назвать книгу! Если кто ее читать станетъ со вниманіемъ, тотъ вѣрно до конца нѣсколько разъ вздохнувъ скажетъ: охъ Французы! А кто пробѣжитъ наскоро, тотъ на концѣ увидитъ: охъ Французы! И моя книга съ головы до ногъ одинакова.

Но если вамъ хочется правильнаго доказательства по грамматикѣ,—извольте! Вотъ задача. Склоняйте Французовъ.

Именительный. Французы—много зла надѣлали.

Родительный. Отъ Французовъ—много зла вышло.

Дательный. Французамъ—ничего святаго нѣтъ.

Винительный. Французы—на все готовы.

Восклицательный. Охъ Французы!

Вотъ и названіе книги! Оно, право, не меньше прилично, чѣмъ минутное заблужденіе, тысяча и одна глупость, несчастное ослѣпленіе, пагубный предрассудокъ, и проч. Если жъ названіе моей книги все-таки вамъ не нравится, я переимѣню. Только прочтите ее и подумайте, пожалуйста.

Глава V.—Откуда берется?

Когда стали перебирать Французовъ и думали, что ихъ выплюютъ всѣхъ за границу, тогда я у одного богатаго Русскаго купца въ бородѣ, который держитъ всѣ посты, ходитъ по Суботамъ въ торговую баню и выпиваетъ по три самовара въ день чаю, боится смертнаго часа, бывъ истиннымъ христіаниномъ, спросилъ: радъ ли, что Французы выѣзжаютъ? А онъ отвѣчалъ: Да какъ не радоваться? И клопы иное мѣсто одолѣютъ, такъ не знаешь что дѣлать, не только что Французы.

Глава VI.—Не взыщите!

Можетъ быть, въ этой книгѣ кто-нибудь изъ читателей и найдеть что-нибудь на себя похожее, или приключеніе, или имя, или рѣчь, съ натуры списанное, то я при началѣ всѣхъ прошу на свой счетъ ничего не принимать и увѣряю честнымъ словомъ, что я не живописецъ, не ругатель, не вѣстовщикъ, не трещотка и сору изъ угловъ не выношу, хотя до чистоты охотникъ. Но мало ли чего похожего на свѣтъ? Кажется, всѣ люди на одинъ покрой; но сила не въ томъ, что носъ покороче или подлиннѣй, ростомъ выше или ниже, тяжеле или легче. Это наружность, а внутренность, кажется, у всѣхъ одна: сердце на лѣвомъ боку, легкое на правомъ, желудокъ по середкѣ, и хоть кажется все на мѣстѣ, и все въ порядкѣ,—ну, а какъ станетъ мозгъ дѣйствовать, то и толку не найдешь! Великъ ли человекъ, а что въ немъ помѣщается? Невѣроятно! Полкъ страстей, корпусъ слабостей, армія вадора, и мѣста нѣтъ добродѣтелямъ. Сидятъ голубушки въ уголку, да стонуть, совсѣмъ въ заговѣ; дѣла не дѣлаютъ, а отъ дѣла не бѣгаютъ, точно какъ при герольдіи.

Глава VII.—Лѣнь.

Вотъ ужъ десть бумаги измаралъ, а исторіи еще начала нѣтъ. Знаю, что писать надобно, и время есть, и фасада, и расположеніе, и входы, и выходы, и проходы, все готово. Что жъ не начинаю? Охъ, батюшки, матушки! Вить я человекъ,—лѣнь. Пожалуйста, не браните; ей-Богу напишу исторію. Хороша ли будетъ или нѣтъ, самъ не знаю—это ваше дѣло судить. Но въ моей исторіи все есть: изобиліе и богатство рѣдкое, людей куча, и Москва, и Петербургъ, вся почти Европа, и крестины, слѣдственно и родины. Приключенія, диковинки, свадьбы, побѣги, похищенія, смерти; только нѣтъ погребеній. Но если кто изъ охотниковъ потребуеть, то я тотчасъ черный листъ привяжу

къ книгѣ. Пусть самъ распоряжаетъ церемоніей. Трудно на землѣ управляться съ живыми людьми, а въ землю ихъ прятать бездѣлица. Чѣмъ знатнѣй, тѣмъ скорѣй. Порядокъ одинъ: напередѣ пѣвчіе поютъ, тамъ духовенство идетъ, потомъ тѣло везутъ, за нимъ родня въ маскахъ, постарѣе пѣшкѣми, помоложе въ каретахъ; холопи, пьяные въ слезахъ, трезвые только что не пляшутъ, а наконецъ, народъ; сперва влѣпается покойнику, потомъ говоритъ «смотришь нечего», а тамъ бранить, а все смотритъ: на то глаза!

Но рѣдко кто, видя мертваго, о смерти своей самъ подумаетъ и хоть старѣе и слабѣе тацимаго покойника, но мнитъ, что самъ безсмертный, оттого что умереть никому не хочется. Сколькихъ захватила смерть безъ покаянія, въ развратѣ, въ тяжкихъ грѣхахъ, и тутъ, вмѣсто того, чтобъ употребить послѣдніе дни, часы, минуты на полезное, подумать о душѣ, о ближнихъ, всѣ мы почти сбѣгнемъ, всѣ говоримъ: ахъ, кабы зналъ! можно ли было ожидать? батюшки, попа! отцы мои, доктора! голубчики, бумаги! сударьки, спасите! пустите кровь! пропустите шалейцу! припустите пивокъ! впустите ромашки! трите бокъ! виски! ноги! ай! ай! ай! плохо! ой! ой! ой! бѣда. . . . ? . . . ? . . . ?

Но, часъ ударить, смерть махнетъ,—и всему конецъ.

Иной умираетъ безъ исповѣди, другой въ долгу, третій въ ссорѣ, четвертый въ развратѣ. Рѣдкій заслужилъ живой хорошее имя, едва изъ тысячи одинъ оставитъ добрую память...

Страшно!

Умереть не хочется, а книгу писать надобно.

Такъ и быть!

Глава VIII.—Необходимо.

Всегда, когда рассказываютъ въ обществѣ примѣчательное о комъ-нибудь, то мы, если тотъ, о комъ рѣчь, намъ неизвѣстенъ, спрашиваемъ обыкновенно меньше о нравственности, о дарованіяхъ и о дѣлахъ его, чѣмъ о примѣтахъ, и такъ подробно, какъ будто-бы въ полиціи заявить надобно о побѣгѣ: великъ ли ростомъ? каковъ лицомъ? какое платье? И, по мѣрѣ красоты, лѣтъ и росту, усиливается или ослабѣваетъ участіе, радость, вниманіе и сожалѣніе. Бѣда старикамъ и старухамъ, хромымъ, кривымъ, горбатымъ, заикамъ или безобразнымъ! Пропали они! ужъ никто не пожалѣетъ. А у всѣхъ на языкъ: туда ему и дорога. Всему есть время и предѣлъ; но добродѣтель, великія дѣла, отличныя дарованія и важныя заслуги должны бы по справедливости оставлять память вѣчную. Да память-то на доброе у людей коротка, и большая часть, зная, что объ нихъ самихъ помнить нечего, не хотятъ и сами помнить о тѣхъ, кои переживаютъ смерть, доставъ себѣ мѣсто въ исторіи, въ почтенномъ кругу, въ честной семьѣ; для этого-то я и опишу подробно своихъ актеровъ, изъ коихъ два человѣка рѣдкіе, нѣсколько изрядныхъ, а прочіе дрянъ; однакожь, они въ дѣйствии. Иначе нельзя. Пороки для добродѣтелей столько же нужны, какъ тѣнь для живописи, или черная фольга для брильянта. Если бъ дурныхъ людей не было, то бы не замѣчали и

хорошихъ; однихъ больше, другихъ меньше. Ну, да и свѣтъ великъ, всѣмъ есть мѣсто, и дѣло. Вездѣ люди, и на землѣ, и въ землѣ, и на водахъ, даже и по воздуху летаютъ... Вотъ куда залетѣлъ! попросту—заврался.

Не въ первый разъ и не въ послѣдній, было бы извѣстно.

Глава IX.—Позвольте представить: это Лука Андреичъ Кремневъ.

Сей почтенный человѣкъ, отецъ, мужъ, Россіянинъ рѣдкій, родился въ 1739 году, въ одной изъ тѣхъ изобильныхъ губерній, гдѣ круглый годъ никто ни въ чемъ не знаетъ нужды. Родители его, старинные дворяне, были люди богатые и въ большомъ уваженіи. Воспитаніе дали дѣтямъ хорошее, укрѣпили тѣло, поселили въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству, почтеніе къ Государю, уваженіе къ начальству и состраданіе къ ближнему. Отецъ Луки Андреича, Андрей Богдановичъ, жилъ 82 года и умеръ горячею, простудясь зимою на пожарѣ въ чужой деревнѣ. Его тутъ уговаривали, чтобъ себя поберегъ, но онъ отвѣчалъ: «чего себя беречь, когда люди погибаютъ?»

Глава X.—Приказанія отца при смерти.

Когда Андрей Богдановичъ почувствовалъ, что трудно боленъ, то исполнилъ долгъ христіанскій, съ смиреннымъ сердцемъ, съ добрымъ духомъ, въ чистой памяти и съ незазренною совѣстію. Лѣкарства принимать не хотѣлъ, говоря: «умирать время, а лечиться поздно». Призвалъ сыновей и говорилъ большому: «Слушай, другъ мой Николай! Тебѣ двадцать-шесть лѣтъ, и ты своимъ умомъ жить можешь, а братъ еще молодъ; мать ваша не долго съ вами останется: она за мной въ гробъ пойдетъ,—такъ будь ты брату отцомъ, поставь его на ноги, правь имѣніемъ и не плошай. Я вамъ оставляю имя честное и кусокъ хлѣба. Чтò мнѣ больше вамъ приказывать? Молитесь Богу и наблюдайте заповѣди Его. Жизнь ваша будетъ честна и конецъ христіанскій». Потомъ благословилъ дѣтей, cadaго образомъ, обнялъ вздохнувъ жену, простился съ людьми, попросилъ священника, чтобъ читалъ отходную, и отошелъ къ Подателю всѣхъ благъ. Домъ, село наполнились воплемъ, и слышны были одни слова: «Не стало отца нашего Андрея Богдановича». Вотъ его надгробная!

Глава XI.—Настасья Матвѣвна.

Сія достойная жена предостойнаго мужа жила съ нимъ въ союзѣ, то-есть въ счастьѣ, пятьдесятъ-два года. Любила мужа, дѣтей и молилась за нихъ Богу. Она была барыня, мать, жена, другъ, совѣтникъ, наставникъ, хозяйка, няня, мама и сущая христіанка. Видя опасность мужа, испугалась, упала духомъ и, истощивъ силы, не давая себѣ ни днемъ, ни ночью покоя, должна была лечь, и легла, въ одной горницѣ съ умирающимъ мужемъ. Когда же онъ скончался, то она приказала снять съ него золотой крестъ съ мощами, надѣла на себя и стала

сама готовится къ смерти. Ни слезы дѣтей, ни родныхъ, ни людей, ни увѣщанія умнаго и почтеннаго священника, ничто не могло влить каплю отрады въ душу ея, погруженную въ тяжкую печаль. Она не вздыхала, не стонала и не плакала, но гасла три дни; занималась дѣтьми, учила ихъ доброму, приказывала чтить память отца и, отдавъ большому сыну обручальное свое кольцо, сказала: «Когда Богъ сочетаетъ васъ, вотъ мое кольцо на счастье, да будетъ благословеніе мое надъ вами и надъ дѣтьми вашими. Простите. Богъ съ вами. Онъ милосердіе свое являетъ надо мною грѣшною и не оставляетъ меня одну въ міръ». За симъ, она посмотрѣла нѣжно на сыновей своихъ, положила имъ руку на голову, взвела взглядъ къ небу, произнесла «Вѣрую во Единаго»; но силъ не стало, свѣтъ помутился въ глазахъ ея, и она заснула вѣчнымъ сномъ. Дѣти стояли на колѣняхъ подъ рукою матери, наконецъ взглянули и увидѣли, что они сироты.

Черезъ два дня, однѣ дроги отвезли оба гроба въ церковь; въ одно время погребены мужъ и жена единокровные; одна могила сокрыла тѣла ихъ. Вѣчная вамъ память, благословенная чета!

Глава XII.—Николай Андреичъ,

по завѣщанію отца, заступилъ его мѣсто и хранилъ свято волю его. Недреманнымъ окомъ смотрѣлъ за братомъ и за имѣніемъ, записалъ его въ службу, снабжалъ всѣмъ, и когда, послѣ полученной раны, братъ принужденъ былъ оставить службу, то онъ уговаривалъ его жениться; имѣнія дѣлить не хотѣлъ, говоря: «Я нездоровъ, умру холостымъ, все достанется тебѣ или дѣтямъ твоимъ. У насъ все общее, а ты управителя лучше и честнѣй меня не найдешь». Для сего, послѣ кончины родителей, пошелъ въ отставку. Но случась на Волгѣ въ своихъ деревняхъ, во время разбоевъ Пугачева, остановился въ одномъ маленькомъ городкѣ, гдѣ не было начальника и все было въ тревогѣ. Онъ пришелъ на площадь и сказалъ народу: «Злодѣй идетъ васъ грабить и губить. У васъ и ружья, и порохъ, и руки есть, а нѣтъ командира. Я майоръ, радъ служить и умереть съ вами».—Намъ то и надо! закричала чернь. Николай Андреичъ, сколько могъ и успѣлъ, учредилъ все. Черезъ два дня пришелъ Пугачевъ, сталъ братъ городъ. Защищать нѣкому. Смѣлые бросились въ окопъ съ храбрымъ начальникомъ, разстрѣляли весь порохъ, большая часть легла на мѣстѣ, остальные сдались, а Николая Андреича смертельно раненаго привели къ злодѣю. Онъ ему предложилъ присягу или смерть, и вотъ какой получилъ отвѣтъ отъ достойнаго сына Андрея Богданыча: «Я дворянинъ Кремневъ, майоръ и присягалъ въ вѣрности Великой Екатерины. Какъ ты злодѣй смѣешь думать, чтобъ я осрамилъ себя и весь родъ мой измѣною? Конецъ—минута, позоръ—вѣчность. Спѣши казнить, или я умру своею смертію». Злодѣй и толпа, его окружающая, разъяренная сею рѣчью, кою они постигать не могли, но слышали, бросились на него и изрубили его въ мелкія части. Палъ герой! Злодѣй пролилъ кровь драгоцѣнную, но она подъ нимъ текла рѣчками *).

*) Неволью вспоминается Пушкинская „Капитанская дочка“. П. Б.